

Т. В. Кудрявцева
ИМЛИ РАН

г. Москва, Россия

А. А. Гугнин

Полоцкий государственный университет
Новополоцк, Беларусь

РУССКО-НЕМЕЦКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ ПОСЛЕ 1945 ГОДА

Аннотация: рассматриваются особенности развития русско-немецких литературных связей после разгрома нацизма в Германии (период «расколотого неба») и после распада СССР и воссоединения Германии.

Ключевые слова и фразы: Германия, ГДР, СССР, Россия, межкультурная коммуникация.

T. V. Kudryavtseva

IMLI RAN

Moscow, Russia

A. A. Guginin

State University Polotsk,
Belarus

RUSSIAN-GERMAN LITERARY DIALOGUE AFTER 1945

Abstract: the article discusses the features of the development of Russian-German literary relations after the defeat of Nazism in Germany (the period of «split sky») and after the collapse of the USSR and the reunification of Germany.

Keywords and phrases: Germany, GDR, USSR, Russia, intercultural communication.

История культурных связей России и Германии тесно связана с общим развитием межнациональных отношений двух народов. Характерной чертой их исторических судеб служит сходство, а нередко и переплетение. Геополитическое положение, диктаторские режимы и революции, войны, идеологические и политические реалии, — все эти факторы не могли не отразиться на образах друг друга, веками создававшихся в национальном

самосознании немцев и русских. Если на уровне государственной политики и обусловленных ее особенностями культурных контактов имели место как периоды плодотворного сближения, так и времена крайнего отчуждения, то в отношении художественной литературы на протяжении более чем тысячелетней истории взаимных контактов неизменным остается положительный образ словесности, а вместе с ним и позитивная, по принципу взаимодополнения, интерпретация структурной, глубинной семантики национальной чужести, воспринимаемой через призму собственных культурных норм.

В 1945 г. прогрессивные немецкие писатели мечтали о духовном возрождении родины после долгой ночи нацизма. Восьмидесятитрехлетний Герхарт Гауптман, с оптимизмом глядя в будущее, заявлял о своей готовности отдать последние силы делу демократического обновления Германии, которое, по мнению писателя, должно было занять не менее 50 лет. История развела нацию по разным квартирам почти ровно на тот пророческий срок, который писатель отвел стране для демократического возрождения.

Немецко-русские литературные взаимосвязи послевоенного периода «холодной войны» являют собой пример их вовлеченности в сферу идеологизированной культурной политики обоих государств. Особенно это касается рецепции произведений, созданных в советский период. По сути, утратившая независимость поверженная Германия оказалась поделенной двумя сверхдержавами, продолжившими борьбу идеологий в том числе и в сфере искусства. На протяжении всего времени существования «расколотого неба» над ФРГ и ГДР культурные контакты двух стран оставались объектом пристальной цензуры. Во всем, что предлагалось на рынок в рамках культурного обмена, так или иначе, просматривалась соответствующая идеологическая начинка. На Запад по официальным каналам, как правило, попадали произведения, в которых содержался хотя бы намек на критику системы социализма. В ГДР, напротив, пропагандировались произведения официальной советской литературы и всячески препятствовалось проникновению диссидентских изданий.

Любопытный факт: в послевоенные годы, как в ГДР, так и в ФРГ издавалось намного больше русских книг, чем соответственно немецкоязычных — в СССР. Количество изданий соотносилось примерно как 1 к 20 [3, с. 244] и это, по всей видимости, объясняется не только и не столько живым интересом к русской литературе в этих странах, но и целенаправленной пропагандой советского образа жизни со стороны самого СССР, а также желанием западных издателей найти в общем потоке советской

литературы нечто, что могло бы иллюстрировать идеологическую несостоятельность социалистической системы. В период железного занавеса на Западе становились культовыми (раскрученными) фигурами писатели, не совсем вписывавшиеся в систему ценностей эпохи социализма, такие как Солженицын, Евтушенко, Окуджава, Ахмадуллина, Бродский и др. Последним из «могикан» в этом ряду рассматривается Андрей Битов, роман которого «Пушкинский дом» был не так давно полностью переведен на немецкий язык [24].

Эпоха холодной войны нашла воплощение в творчестве многих писателей Западной Германии. Речь идет не только о восприятии тех или иных произведений, но, что более важно, о включении русского литературного материала в ткань собственных художественных текстов. Так, в соответствии с общими представлениями о Советском Союзе как о стране-оккупанте, критике подвергается порочность советской системы, оцениваемой с позиций западной демократии. Х. Пионтек, сопоставляя в стихотворении «Я, Антон Павлович» Россию чеховскую с Россией середины XX в., приходит к выводу, что политическая система страны, несмотря на замену логотипа, не претерпела никаких позитивных изменений. Ложь советской пропаганды не стала изощренней, но более массивной (в силу упадка нравственности и ужесточения борьбы с инакомыслием) [21, с. 35]. Имя Н. Островского в заглавии стихотворения Л. Штайнгера «Островский в багаже» — не что иное, как символ эпохи социального раскола нации на взлете XX в. При этом симпатии автора — явно на стороне побежденного «старого» [25, с. 101].

В создании имиджевой структуры советской литературы активную роль играли литературоведы-русисты, нередко они же — критики и переводчики. Благодаря их усилиям немецкоязычный читатель (с поправкой на идеологические пристрастия в Западной и Восточной Германии) узнал имена Ахматовой, Цветаевой, Пастернака, Мандельштама, Евтушенко, Шукшина, Окуджавы, Симонова и многих других. Наглядное представление об особенностях восприятия советской литературы в разделенной Германии дают механизмы выстраивания аксиологических приоритетов в отношении творчества В. Распутина, что убедительно показывает исследовательница О. В. Бадрылова [2]. Внимание к произведениям Распутина как в ФРГ, так и в ГДР, было связано прежде всего с интересом к феномену «деревенская проза», значимым для немецкого сознания в контексте понятийного поля «малая родина». Тема родины в традиционном понимании как воспевание любви к отечеству, опора на народные традиции и пр., ставшая в послевоенном немецком официальном литературном дискурсе,

по сути, табу и вытесненная из коллективного сознания чувством вины за нацистское прошлое, лишь постепенно возвращается в современную немецкую литературу. Однако попавшее в опалу самоидентификационное начало продолжало жить в произведениях, создававшихся на диалектах, а также в пользовавшейся большим спросом историко-краеведческой литературе. Это связано не столько с традициями унаследованного от неоромантиков почвенничества, сколько с ролью языка как главного национально-патриотического атрибута в условиях «утраченного» права на традиционную трактовку понятия.

Тем не менее «критическое истолкование» произведений Распутина, равно как и «влияние творчества этого писателя на литературный процесс», «усвоение его творческих методов» в контексте «включения творчества инационального писателя» [2, с. 7] в национальное культурное пространство имели в ГДР и ФРГ свою специфику [2, с. 17; 23].

На Западе восприятие творчества русского писателя связывалось с актуальными в 1970—1980-е годы глобальными проблемами, присущими современному миру в целом, проблемами, вызванными усталостью индивида от навязываемой ему системы ценностей, в которой человеку отведено место жертвы и винтика в руках вершителей бездумной политики, виновных в пагубных последствиях западной цивилизации не только для природы, но и для живущего в сложившейся не без помощи «расщепленного ядра» и «ракет» [16, с. 55] экосистеме человека, по большому счету при его прямом попустительстве. В западных исследованиях большое внимание уделяется изучению поэтики Распутина, в которой усматриваются признаки отхода от традиций соцреализма. Противопоставляя прозу Распутина во многом лакированной литературе о «колхозной деревне» [2, с. 20] 1930—1950-х годов, критики и литературоведы видят в ней возвращение к традициям XIX в.

В ГДР, где литературоведение и критика во многом следовали подходам, которые выработала советская русистика, особое внимание уделялось «тематической, идейно-содержательной стороне произведений писателя», причем подчеркивалась их общечеловеческая значимость. «Чуждательства» распутинских героев объяснялись с помощью сложившихся имагологических стереотипов, а именно, списывая их «на различие ментальных характеристик» немцев и русских, на особенности «загадочной русской души» [2, с. 20]. Аналогичная ракурсная дифференциация в подходах к творчеству и его оценке наблюдается и в отношении других советских писателей (Паустовский, Шолохов, Шукшин, Астафьев и др.) [12, с. 253—259; 11; 15; 18]. Подобная приоритетная методология характерна

и для исследований этого периода, касающихся классической русской литературы.

Жесткий отбор произведений зарубежных писателей государственными структурами СССР при всех недостатках имел одно неоспоримое положительное свойство: переводы выполнялись мастерами высочайшего класса, унаследовавшими лучшие традиции отечественной школы художественного перевода. Благодаря им советский читатель познакомился с немецкими классиками XX в.: Т. и Г. Маннами, Б. Брехтом, Г. Бёллем, А. Зегерс, Й. Р. Бехером, Э. — М. Ремарком, Э. Штриттматтером, Х. — Х. Янном, а также современными писателями и поэтами (Г. Грасс, Ф. Бранн, Х. М. Энциенсбергер, П. Хакс, С. Херmlin) и многими другими. О размахе переводческой деятельности в области зарубежной художественной литературы, в том числе и немецкой, свидетельствует продукция государственных издательств «Прогресс» и «Радуга». Огромной популярностью среди советской интеллигенции пользовался журнал «Иностранная литература», в недрах которого выходил литературно-критический информационный сборник «Современная художественная литература за рубежом», знакомявший специалистов с новинками.

На советской сцене наравне с отечественными спектаклями ставили пьесы немецких драматургов от Лессинга и Шиллера до Гауптмана, Вольфа и Брехта. Значение последнего в позднем СССР можно сравнить с ролью Чехова в современной Германии.

Безусловное первенство в рецепции немецкой литературы занимало творчество И. В. Гёте. Советская «фаустиана» — самый яркий пример преемственности в процессе канонизации немецкого классика в отечественной культуре. Его переводили самые известные русские поэты — от Жуковского, Лермонтова, Тютчева, Фета, Л. Толстого до Цветаевой, Заболоцкого, Заходера, Маршака и А. Толстого. Блестящие переводы «Фауста», предпринятые Н. Холодковским (в редакции М. Лозинского) [5] и Б. Пастернаком [4] вошли в хрестоматийное чтение советских школ. К образу гётевского «вечного образа» обращались М. Горький, Л. М. Леонов, В. Я. Брюсов, И. Л. Сельвинский, М. А. Булгаков, И. А. Бродский и др.) [13].

Особое место занимает история рецепции [8] в России романа Гёте «Страдания юного Вертера», до сих пор не потерявшего популярности у российского читателя, о чем свидетельствуют переиздания книги крупными отечественными издательствами («Аст» и др). Так только с 2002 по 2011 год роман выдержал 7 переизданий.

Пожалуй, ни один другой немецкий писатель не вошел в сердце советского (российского) читателя, как Э. М. Ремарк. Знакомство с ним в СССР началось в 1929 г., после издания на русском языке его знаменитого романа «На Западном фронте без перемен». Настоящая слава и безоговорочное признание пришли к писателю в 1950-е годы, одновременно с переизданием старых и появлением новых переводов его произведений. Немецкий писатель стал в СССР едва ли не популярнее, чем у себя на родине. Секрет его успеха кроется в кажущейся незамысловатости сюжетных ходов вкупе с пронзительной честностью авторского голоса. Именно поэтому, видимо, пришлось по душе поколению советских людей, воспитывавшемуся на высоких идеалах патриотизма, интернационализма, общественного долга и пр. незамысловатые «житейские» истории человеческих отношений, наполненные глубоким экзистенциальным смыслом. Только «На Западном фронте без перемен» пережил более 70 изданий и переизданий, включая 2010 год.

С именем Ремарка связан возникший в недрах советского литературоведения термин ремаркизм. Советская литературная критика использовала его для негативной оценки мемуарной прозы о Великой отечественной войне, создававшейся бывшими фронтовиками. Советская «лейтенантская проза» (Симонов, Гранин, Бакланов, Бондарев, Астафьев, Быков и др.) в этом смысле — прямая наследница «окопной правды» немецкого писателя.

Особое место в послевоенной истории советско-немецких литературных связей занимает Генрих Бёлль, ставший в 1950—1970-е годы для советского читателя, по сути, самым репрезентативным писателем Западной Германии, своего рода ее визитной карточкой, не в последнюю очередь в силу его критической позиции по отношению к социально-нравственному климату в обществе потребления, а также в связи с важностью для советских людей проблемы гитлеризма, которую поднимал Бёлль. В переводе на русский язык вышло более 80 его произведений разных жанров, тиражи их намного превосходили тиражи оригинальных изданий в ФРГ [10].

В 1980-е — 2010-е гг. его место заняли З. Ленц («Краеведческий музей», 1982; «Эйнштейн пересекает Эльбу близ Гамбурга», 1982; «Учебный плац», 1989; «Бюро находок», 2004; «Минута молчания», 2011) и Г. Грасс («Жестяной барабан», 1995; «Собачьи годы», 1996; «Из дневника улитки», 1993; «Встреча в Тельгте», 1983; «Моё столетие», 2000; «Траектория краба», 2002; «Луковица памяти», 2008; «Фотокамера», 2009).

Германия никогда не была страной, где царил культ литературы, сравнимый, в частности, с опытом России (СССР). Пожалуй, подобный феномен имел место в ГДР, где ситуация «читающей нации» поддерживалась

на уровне государственных институтов. Если учесть, что число настоящих ценителей литературы, в особенности поэзии, как правило, сопоставимо с числом самих пишущих, то ситуация в современной Германии мало чем отличается от прошлых времен: читают и оценивают в основном себя и собратьев по перу. Тем более отраднo, что интерес к русской литературе в среде культурной элиты (писатели, слависты-филологи, критики, издатели и библиофилы) в воссоединенной Германии остается неизменным и непредвзятым не только в связи с ее самобытностью или экзотичностью для западного менталитета, но и как неотъемлемой части мировой культуры в самых лучших ее традициях. Для многих немецких писателей русское сегодня по-прежнему ассоциируется, прежде всего, с литературой, главным образом классической. «Когда я слышу слово «Россия», мне сразу приходят в голову Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский» [6], — признается, в частности, писатель старшего поколения Э. Ю. Драйер.

Не забыты в Германии и имена более позднего периода, Белого, Бабея, Булгакова, Шолохова, Паустовского, Казакова, Распутина и Рытхэу. К поэтическому наследию Есенина в разные годы обращались более 60 переводчиков. Среди них — такие известные поэты, как П. Целан, А. Эндлер, Э. Эрб, П. Госсе, Р. Киш, К. Миккель, Р. Пиетрас и др., что, как и в случае с В. Маяковским, знакомство с которым приходится на 1920-е годы, или с одним из самых почитаемых писателей А. П. Чеховым, не могло не отразиться на поэтике собственных произведений немецких поэтов и прозаиков. И все же современные писатели отдают предпочтение русскому «серебряному веку», авангарду, эпохе модерна как таковой с ее знаковыми именами: Хлебников, Ахматова, Цветаева, Мандельштам и др. [17, с. 98—102]. Их переводят, им посвящают стихи, о них пишут диссертации. Согласно опросам известного в Германии журнала «Гедихт» («Стихотворение») Ахматова и Мандельштам [17, с. 100] входят в число поэтов, наиболее популярных в немецкоязычном регионе. Стоит сказать, что художественный мир известного поэта Оскара Пастиора (1927—2006) обрел свои неповторимые очертания под воздействием поэзии Хлебникова, которого он в свое время перевел на немецкий язык. Подобный словесный винегрет, который получает у поэта также экзотическое название «крымско-готский» язык, отражает, по его словам, собственную лингвистическую био- и географию. На нем он пишет свой «западно-восточный диван» [9].

Творчески переработаны и переосмыслены элементы русского футуризма (в частности, «зауми») и русского киноавангарда в стихах Томаса Клинга (1957—2005). В картинах, рисующих постсоветский Санкт-Петербург («Петербургское вещание», «Русский дайджест»), одновременно

сливается прошлое и настоящее, за которым, однако, в духе постмодернистской идеологии, не просматривается будущее [7, с. 48—53; 14].

Ярким примером проявления имагологического принципа комплементарности служит признание молодого поэта М. Арндта, никогда не бывавшего в нашей стране и не владеющего русским языком: «Я всегда много читал о России, следил, что там происходит, по газетам, по крайней мере, после того, как обнаружил русских символистов и акмеистов. Мне нравятся Блок, Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Есенин, но также Хармс, Илья Эренбург, Достоевский. Меня восхищает в русской литературе близость и интимность, которую она вызывает у меня как у читателя. Французские, английские и немецкие писатели зачастую сухи, дистанцированы от читателя и аналитичны. Но мне, пожалуй, не известен ни один русский писатель, который создавал бы подобную дистанцию. Они для меня близки как хороший друг, а не просто приятный коллега, что я порой ощущаю, когда читаю своих соотечественников» [1].

Важными проводниками русской культуры сегодня служат этнические немцы из России, переселившиеся в разные годы на историческую родину. Будучи носителями русского языка, они сохранили и верность русской версификационной традиции (метр, рифма, установка на декламацию и т. д.), и в этом смысле воспринимаются немецкой аудиторией больше как представители иной культуры. Характерным примером в этом отношении может, в частности, служить молодой поэт из Дюссельдорфа Александр Ницберг, не только популяризирующий в Германии наследие «серебряного века» (переводы А. Ахматовой и др.), но и в собственных стихах демонстрирующий легко узнаваемый стиль русской классики.

Постсоветская литература России в лице ее модных писателей (В. Соколин, В. Ерофеев, Л. Петрушевская и др.), напротив, все больше воспринимается немцами как часть нивелированной глобализованной культуры. Так, список писателей-постмодернистов из России, рекомендованных для чтения студентам славистики Берлинского университета им. Гумбольдта (Айги, Цветков, Ерофеев, Кривулин, Лимонов, Некрасов, Пелевин, Пригов, Рубинштейн, Толстая и др.), оказывается едва ли не длиннее перечня немецкоязычных представителей этого направления.

Изменился и подход литературоведов-славистов и литературных критиков к рецепции русской словесности. Резко снизилась зависимость восприятия современной русской литературы от политической конъюнктуры, рецензии приобрели четко выраженный литературно-критический характер и обращены к самому произведению, к оценке его эстетических критериев. По большому счету, образ русской литературы, в котором все мень-

ше внимания уделяется ее национальной специфике, подгоняется под западное клише, а «новые русские авторы в свою очередь стремятся ему соответствовать» [3, с. 245]. Именно поэтому раскручиваются фигуры, не имеющие достаточного резонанса в самой России. Так, известный не самому широкому кругу российских читателей Геннадий Айги получил в Германии премию Петрарки, а все без исключения произведения Владимира Сорокина переводятся на немецкий язык и выходят едва ли не раньше, чем у себя на родине.

О разновекторных пристрастиях современных немецких издателей, а стало быть, и читателей, позволяют судить переиздания и (или) новые издания произведений В. Набокова, П. Дашковой, В. Сорокина, А. Проханова, И. Гончарова, В. Ерофеева, Л. Петрушевской, А. Рыбакова, В. Пелевина, Л. Улицкой, В. Катаева, И. Тургенева, Ю. Рытхэу, Б. Пастернака, В. Шаламова, Д. Донцовой, Б. Акунина, В. Гроссмана, А. Солженицины, Д. Хармса, И. Бродского, А. Чехова, В. Соловьева и др. Свообразным итогом знакомства с тысячелетней историей русской литературы стало мультимедийное издание «Русская литература от Нестора до Маяковского», вышедшее в берлинском издательстве «Директмедиа» в 2003 г. На более чем 60 000 экранных страниц представлены в оригинале произведения 75 русских писателей XI—XX вв. Среди них — Баратынский, Батюшков, Блок, Брюсов, Чернышевский, Саша Черный, Херасков, Державин, Фонвизин, Есенин, Фурманов, Гаршин, Грибоедов, Гумилев, Языков, Майков, Мамин-Сибиряк, Ломоносов, Надсон, Некрасов, Полонский, Козьма Прутков, Рылеев, Сологуб, Волошин и др.

Типическое и особенное в восприятии русской литературы современными немецкими читателями достаточно хорошо прослеживается на примере рецепции в Германии творчества «самого русского», по признанию одного из отечественных читателей, поэта XX в. Н. М. Рубцова (1936—1971). До 2004 г. имя поэта в Германии было известно лишь узкому кругу специалистов. В 1980 г. известный славист В. Казак вводит Рубцова в контекст русской поэтической традиции как представителя «русофильского направления», включив имя поэта в свою книгу «Русская литература. 1945—1976» [19]. В 1990 г. в Лейпциге была защищена кандидатская диссертация, посвященная поэтическому осмыслению русским поэтом Рубцовым истории [26]. Диссертантка опирается на образ поэзии Рубцова, сложившийся в трудах В. Кожинова. В энциклопедическом «Новом литературном словаре Киндлера» 1998 г. имеется статья Райнера Гольдта о Н. М. Рубцове, вводящая немецкоязычного читателя в жизнь и творчество русского поэта [15, с. 393—395].

Так же немногочисленны и переводы произведений Н. М. Рубцова на немецкий язык. Несколько стихотворений Рубцова в переводах известных поэтов Гюнтера Дайке и Юргена Реннерта были в 1970-е годы опубликованы в журналах ГДР «Зинн унд форм» и «Советлитератур». Подстрочники цитат из стихотворений поэта содержатся в докторской диссертации немецкого русиста Иоганна Майхеля «В поисках альтернативы — современная советская поэзия в поле напряжения социально-экономических и культурно-политических тенденций» [20].

В 2004 г. в Германии вышла первая книга переводов стихотворений Н. М. Рубцова на немецкий язык. В качестве переводчиков выступили регенсбургский поэт и писатель, музыковед Раймонд Дитрих, писатель и поэт из Бибераха (земля Баден-Вюртемберг) Хартмут Лёффель и Т. В. Кудрявцева. Примером того, как трудно было опубликовать поэтический сборник «нераскрученного» иноязычного автора, может служить реакция 50 издательств на предложение выпустить подготовленное в 2003 г. двуязычный сборник избранных стихотворений Рубцова [22]. Признавая важность такого рода проекта, большинство издательств ответили отказом, мотивируя его тем, что велика степень финансового риска, поскольку поэзия не пользуется спросом на рынке, тем более, если речь идет об авторе, неизвестном читателю. Книга под названием «Kommt, Erde» (начальные строки из перевода стихотворения Рубцова «Давай, земля, немножко отдохнем!», выполненного поэтом из ГДР Г. Дайке) вышла тиражом в 300 экземпляров, была распродана, а большая часть подарена, лишь к 2011 г.

Распад СССР неоднозначно отразился на русско-немецких литературных связях. С уходом государства от жесткого регулирования вопросов культурной политики ушла и государственная поддержка в области книгообмена. После 1990 г. резко сократились новые поступления зарубежной литературы в фонды ее главного хранилища — Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы. Поддержка издательской и переводческой деятельности отдана на откуп зарубежным культурным организациям, в частности Немецкому культурному центру им. Гёте в России (Гёте-Институт). Сместились аксиологические акценты в оценке немецкой литературы, рекомендуемой для перевода, а стало быть, получающей финансовую поддержку. С одной стороны, это забытые либо запрещенные в бытность СССР имена. Так в последние годы, к примеру, «заговорил по-русски» С. Георге («Седьмое кольцо», 2009; «Альгабал», 2014) и Г. Бенн («Двойная жизнь», 2008; «Перед концом света»). Это не случайно как с точки зрения возможности познакомить российско-

го читателя с немецкими поэтами и писателями, чье творчество не вписывалось в идеологические каноны советской культуры, а также в силу общего повышенного интереса самих представителей творческой и научной элиты и литературных гурманов к эпохе модернизма, уже — авангарда. Свидетельство этому — публикация в постперестроечные годы таких писателей как Г. Гейм («Избранные стихотворения», 1993; «Umbra vitae», 1995; «Вечный день. Umbra vitae. Небесная трагедия», 2003; «Небесная трагедия», 2005. «Морские города», 2011; «Избранное», 2012; «Вечный день», 2013), В. Беньямин («Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», 1996; «Московский дневник», 1997; «Озарения», 2000; «Франц Кафка», 2000; «Происхождение немецкой барочной драмы», 2002; «Маски времени», 2004; «Учение о подобии», 2012; «Улица с односторонним движением», 2012; «Берлинское детство на рубеже веков», 2012; «Центральный парк», 2015), Х. Х. Янн («Это настигнет каждого», 2010; «Утрино и Инграбания», 2012. «Томас Чагтертон», 2013; «Река без берегов», 2014) и др. В СССР на произведения этого направления было наложено негласное табу, опять же по причине их якобы недостаточной социальной ангажированности и пр.

Поддержкой немецких спонсоров пользуются писатели и поэты, возглавляющие топ-списки современных немецких медийных авторов (Г. Мюллер, Д. Грюнбайн, Т. Крахт, П. Зюскинд и др.). С другой стороны, участились и случаи перевода писателей, отвечающих субъективным эстетическим пристрастиям, внутрилитературным вкусам и интересам. Так, духовную поддержку мэтра Г. Фалькнера ощутили на себе молодые поэты Х. Джексон, Б. Замес, Ш. Попп, М. Ринк, оказавшиеся на страницах вышедшей в 2005 г. в Москве двуязычной антологии «Диапазон. Антология современной немецкой и русской поэзии. Diapason. Anthologie deutscher und russischer Gegenwartslyrik» в компании именитых поэтов Х. М. Энценсбергера, М. Крюгера, Т. Клинга и самого Г. Фалькнера.

Безусловной потерей постперестроечной русской культуры стала утрата традиций отечественной школы художественного перевода. «Последние из могикан» в этой профессии, в частности В. Микушевич, Е. Витковский, В. Куприянов, В. Вебер, М. Рудницкий, А. Прокопьев, В. Летучий, Т. Баскакова, Е. Соколова. А. Черный и немногие другие, благодаря которым русский читатель до сих пор имеет редкую возможность приобщиться к художественному слову немецких классиков и современных поэтов, к сожалению, не спасают ситуацию, которая сложилась в переводной прозе. Перефразируя известные слова живущего в Германии русского немца, поэта и эссеиста Вальдемара Вебера, по наблюдениям которого, неискушен-

ные постмодернизмом простые немецкие читатели живут надеждой, что настоящая литература вернется с Востока, и что именно русские спасут литературу вообще», — можно сказать, что если среди немецких книголюбителей живет миф, что «для русских гибель литературы — это все равно, что потеря Бога. Они ведь без литературы — народ без лица, внеисторическая масса, ведь это самое великое, что они создали», то «они обязательно скоро одумаются, ведь нельзя же рубить сук, на котором сидишь» [2, с. 249].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арднт М. Письмо Т. В.* Кудрявцевой от 20.06.2004.
2. *Бадрызлова О. В.* Восприятие творчества Валентина Распутина в Германии (1970—1980 гг.): Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01: Тюмень. — 2005. — 163 с. РГБ ОД, 61:05—10/826.
3. *Вебер В.* Что западный читатель ждет от русской литературы / В. Вебер // Иностранная литература. — 2005. — № 7. — С. 239—245.
4. *Гёте И. В.* Фауст / Пер. с нем. Б. Пастернака. Вступительная статья и комментарии: Н. Вильмонта. — М.: Государственное издательство художественной литературы. — 1960. — 620 с.
5. *Гёте И. В.* Фауст / Пер. с нем. Н. Холодковского. Под редакцией М. Л. Лозинского. *Предисловие В. М. Жирмунского.* — М.; Л.: Государственное издательство. — 1922. — 226 с.
6. *Драйер Э. Ю. Письмо Т. В.* Кудрявцевой от 10.03.2006.
7. *Клинг Т.* Стихи. Перевод с немецкого и вступительная статья Ольги Денисовой-Барской. Предисловие Льва Рубинштейна / Е. Клинг // Иностранная литература. — 1996. — № 9. — С. 48—53.
8. *Лобачёва Д. В. Роман И. В. Гете «Страдания юного Вертера»: рецепция в России.* Автореф. дисс., 2005. — 23 с.
9. *Пастиор О. Письмо Т. В.* Кудрявцевой от 20.06.2004.
10. *Рожновский С. В.* Генрих Бёлль / С. В. Рожновский. — М.: Высшая школа. — 1965. — 103 с.
11. *Стопченко Н. И.* М. А. Шолохов в Германии (1929—2011): диалог культур-цивилизаций / Н. И. Стопченко. — М.: Вузовская школа, 2012. — 255 с.
12. *Стопченко Н. И. Феномен В. Шукшина в немецкой культуре / Н. И. Стопченко // Язык и культура.* — Вып. 1. — Киев, 2000. — Т. 4. — С. 253—259.
13. *Якушева Г. В.* Фауст в искушениях XX века: Гётевский образ в русской и зарубежной литературе / Г. В. Якушева. — М.: Наука, 2005. — 258 с.
14. *Dampfbetriebene Liebesanstalt: Gedichte des russischen Futurismus.* Th. Kling, A. Nitzberg rezitieren. — Düsseldorf, 1999. — 1 CD.
15. *Drommert R.* Dichter des tragischen Lebensgefühls aus Russland — Konstantin Paustowskij: «Erzählungen vom Leben». Kein Trampelpfad zum Glück // Die Zeit. — 2.3.1979. — № 10.

16. *Goldt R.* Rubcov, Nikolaj Michajlovič // Kindlers Neues Literaturlexikon. (Supplement L-Z. München. — 1998. — Bd. 22. — S. 393—395.
17. *Harig L.* Der Song vom Menschwerden des Menschen // *Harig L.* Im Geschwirr der Espenblätter: Lieder und Balladen. — Blieskastel, 2002. — S. 55.
18. Hitliste der Jahrhundertdichter: die wichtigsten Dichter des 20. Jahrhunderts // Das Gedicht. — 1999. — № 7. — S. 98—102.
19. *Hoppe S.* Das Thema des Großen Vaterländischen Krieges in der sowjetischen Literatur der 70er Jahre. Am Beispiel des Schaffens von Viktor Astaf'ev und Evgenij Nosov. Halle: Univ. Diss. 1982. — 350 S.
20. *Kasack W.* Die russische Literatur 1945—1976. Mit einem Verzeichnis der Übersetzungen ins Deutsche. 1945—1979 / W. Kasack. — München: Sagner, 1980. — 70 S.
21. *Meichel J.* Auf der Suche nach einer Alternative — sowjetische Poesie der Gegenwart im Spannungsfeld sozioökonomischer und kulturpolitischer Tendenzen / J. Meichel. — Mainz: Liber Verlag, 1988. — 437 S.
22. *Piontek H.* Ich, Anton Pawlowitsch // *Piontek H.* Deutsche Gedichte seit 1960 / H. Piontek. — Stuttgart, 1972. — S. 35—36.
23. *Rubcov N.* Komm, Erde: ausgewählte Gedichte; Russisch und Deutsch / R. Dittrich, T. Kudrjavceva, H. Löffel. — Schweinfurt: Wiesenburg, 2004. — 140 S.
24. Russische Vorabende. Dorfschriftsteller Below gestorben // Frankfurter Allgemeine Zeitung. Feuilleton. — 06.12.2012.
25. *Schnitzler M.* Ein umwerfender Hauch von Freiheit. Verbotenes Ereignis: Andrej Bitows grandioser Roman «Das Puschkinhaus» / M. Schnitzler // Berliner Zeitung. — 28.02.2008.
26. *Steinherr L.* Ostrowskij im Gepäck // *Steinherr L.* Fluganweisung. — München, 1985. — S. 101.
27. *Waber S.* Lyrisches Subjekt und poetisches Geschichtsbild im Werk des russischen sowjetischen Dichters Nikolaj Rubcov, Dissertation, Leipzig, 1990. — 230 S.

УДК 821.112.2

О. В. Кузнецова

*Воронежский государственный педагогический университет
г. Воронеж, Россия*

К ОБРАЗУ РОССИИ ВОЕННЫХ ЛЕТ В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: *в период войн и великих потрясений в истории человечества художественная литература уподобляется своеобразному хронографу, который фиксирует национальные представления о происхо-*